

РЕВИЗОРЪ.

(Изъ записной книжки „Русской Старины“).

Въ началѣ 60 годовъ прошлаго столѣтія, городъ Мариуполь ничѣмъ не выдавался изъ числа подобныхъ ему маленькихъ уѣздныхъ городовъ, но по своему географическому положенію, находясь на берегу Азовскаго моря, въ богатой хлѣбородной мѣстности, заселенной нѣмецкими колоніями, представлялъ центръ скупки и экспорта зерна за границу.

Городъ жилъ исключительно урожаями, что составляло, такъ сказать, альфу и омегу его существованія. Фабрикъ, заводовъ или какихъ-либо другихъ промысловъ, могущихъ быть предметомъ эксплуатаціи,—не существовало, и вся дѣятельность городского населенія заключалась, болѣе или менѣе, въ общей причастности къ хлѣбному дѣлу, дававшему заработокъ въ теченіе осени на весь годъ.

Преобладающій элементъ мѣстныхъ жителей были греки, предки которыхъ вышли изъ Крыма и Анатолиі въ 1779 г., на основаніи грамоты императрицы Екатерины II, при непосредственномъ содѣйствіи крымскаго митрополита Игнатія, человѣка энергичнаго, умнаго, любившаго свой народъ и принимавшаго живое участіе при его переселеніи. Прахъ Игнатія и по настоящее время находится въ подпольномъ склепѣ Мариупольскаго собора, гдѣ ежегодно, въ день своего основанія въ Мариуполѣ, греки служатъ панихиду.

До причисленія города въ уѣздъ Екатеринославской губерніи и до открытія гласнаго судопроизводства, весь округъ греческой колоніи находился въ вѣдѣніи греческаго судьи, избираемаго „по вольнымъ голосамъ“, соединявшаго въ себѣ функціи—полицейской, судебной и административной власти, въ окончательной формѣ безъ права апелляціи. А такъ какъ выборный по своей малограмотности и неопытности въ знаніи

законовъ не отвѣчалъ занимаемому положенію, то по необходимости находился въ полной зависимости секретаря, правившаго дѣлами по личному усмотрѣнію и, конечно, не въ ущербъ собственныхъ интересовъ.

Взятка играла первенствующую роль, а справедливость тонула въ беззастѣнчивомъ и пристрастномъ произволѣ судебного разбирательства. Неправда и незаконіе прочно свили гнѣздо въ судѣ.

Обыватели, въ слѣпой покорности своей судьбѣ, должны были утѣшаться извѣстными житейскими, выработанными вѣками, правилами: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“, мирились съ вопіющимъ зломъ, какъ съ непоправимымъ, совершеннымъ. Но жизнь, иногда, точно смѣясь, выбрасываетъ на поверхность человѣческой мути неожиданныя по своей необычности явленія, и людямъ въ полномъ недоумѣніи, при видѣ загадочнаго, необъяснимаго, приходится только поражаться и разводять руками, что и случилось въ Мариуполѣ.

Однажды, утромъ, на улицѣ обыватели увидѣли судью и секретаря съ полуобритыми головами, закованныхъ въ кандалы, какъ арестанты, въ сопровожденіи военнаго конвоя шедшихъ по улицѣ; не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ и въ удивленіи и ужасѣ спрашивали другъ друга о причинѣ такого страннаго и непонятнаго явленія.

Догадкамъ не было конца.

Одни говорили, что судья зарѣзалъ свою жену, другіе— что въ судѣ нашли станокъ для печатанія фальшивыхъ кредитокъ; но въ общемъ никто ничего точно не могъ сказать, и, въ то же время, всѣ сознавали, что случилось что-то необыкновенное, непонятное.

Событіе это, какъ выходящее изъ ряда мирной обывательской жизни, молніей облетѣло городъ, шаромъ прокатилось по базару и захлестнулось непроницаемой тайной. Но какъ всякая тайна имѣетъ свой предѣлъ, то и взволнованные обыватели къ удивленію своему узнали, что судью и секретаря арестовалъ и отправилъ въ острогъ пріѣхавшій по высочайшему повелѣнію ревизоръ изъ Петербурга.

Передавали, что произошло это такъ: рано утромъ, въ греческій судъ вошелъ офицеръ въ гвардейской формѣ, съ портретомъ государя на шеѣ и приказалъ сторожу немедленно вызвать въ судъ— судью, секретаря и воинскаго начальника. Когда названные лица явились, офицеръ, объявивъ себя реви-

зоромъ изъ Петербурга, потребовалъ именно тѣ дѣла, которыя вопіяли своей несправедливостью, быстро ихъ разсмотрѣлъ и, указавъ на отсутствіе уликъ обвиненія и на пристрастное оправданіе виновныхъ, приказалъ вызвать барабанщика, цирюльника, обрить судѣ и секретарю затылки, заковать и отправить въ острогъ.

Произошло это такъ неожиданно и быстро, что растерявшійся воинскій начальникъ, исполняя приказанія ревизора, не осмѣлился, или забылъ спросить у него документы, и когда все было кончено, вспомнилъ о самомъ главномъ и пріѣхалъ въ гостиницу, гдѣ остановился послѣдній.

Ревизоръ сидѣлъ въ номерѣ за бутылкой водки; на стулѣ висѣлъ офицерскій мундиръ; на столѣ лежалъ свертокъ бумаги, связанной шворкой. На предложеніе дать документы, удостоверяющіе его личность,—улыбнулся и молча вынулъ изъ кармана свидѣтельство старшаго военнаго писаря Симферопольскаго пѣхотнаго полка...

Случай этотъ извѣстенъ многимъ старожиламъ Мариуполя, и, рассказывая о немъ, они смѣясь прибавляютъ: по дѣламъ была ворами и мука.

Д. Проскурнинъ.